

В.Н. Зудина

О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕННОСТИ КУЛЬТУР ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В настоящее время уровень изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье существенно отстает от других направлений самарской археологии. Предлагаемая статья посвящена истории исследований по данной теме, анализу накопленных источников, перспективам и задачам изучения памятников этого периода.

Ранний железный век на Самарской Луке представлен только поселенческими памятниками, оставленными двумя группами оседлого населения: городецким и ананьинским (белогорским). Рельеф укреплений (валов и рвов) хорошо заметен до настоящего времени, поэтому в поле зрения исследователей древние городища попали одними из первых и фиксировались уже в XVIII-XIX вв. В описаниях научных экспедиций П.С. Палласа и И.И. Лепехина упоминались городища между селами Переволоки и Печерское, Муромский городок между селами Валы и Жигули. И.И. Лепехин отметил наличие небольшого вала на Царевом кургане. В 1869 г. на I археологическом съезде К.И. Невоструев сделал доклад о болгарских памятниках Среднего Поволжья и, в частности, о городище Ош-Пандо-Нерь, где был обнаружен культурный слой раннего железного века. Во время организации археологических работ ОАИЭиЕ при СГУ в 1920-29 гг. памятникам данного периода уделялось серьезное внимание. В 1922-24 гг. производились разведочные обследования Самарской Луки под руководством В.В. Гольмстен. Были проведены разведочные маршруты в районах сел Ширияево, Подгоры, Выползово, Торновое, Рождествено, Новинки, Шелехметь, Винновка, Осиновка, Ермаково, Севрюкаево, Кармалы, Мордово, Кольцово, Брусяны, Осиновка, Аскулы, Сосновый Солонец, Березовый Солонец, Валы, Александровка, Моркваша. В 1922 г. обследована юго-восточная часть Самарской Луки, в результате чего были зафиксированы 6 городищ: близ Подгор – на горах Манчиха и Белая; близ с. Шелехметь – Ош-Пандо-Нерь; близ с. Осиновка – Каменная Коза, Кармалинское городище; Сосновый Солонец – в бывшем имении князя Долгорукова; на Поповой Горе, близ с. Ширияево. В 1923 г. работы на

Самарской Луке были расширены: осмотрено городище Лысая Гора; А.А. Марущенко обследованы следующие памятники: Торновое, Вислый Камень, Шелехметь. В 1924 г. эти работы были продолжены: произведены небольшие раскопки Ош-Пандо-Нерь, где был изучен разрез вала; возле Самары исследовано Коптево городище. Среди неукрепленных поселков к «культуре древних финнов» были отнесены культурные слои «близ с. Новинки, с. Винновка, на берегу оврага Ближний Крутенький» (Зудина, 2008. С.26-28). В работе «Археологические памятники Самарской губернии» В.В. Гольмстен выделила «остатки культур оседлых, имевших место в северной части губернии и на Самарской Луке. Это небольшие городища, расположенные главным образом по вершинам Жигулевского массива» (Гольмстен, 1928. С.135). Основные итоги послереволюционных археологических исследований по данной теме были подведены в статье В.В. Гольмстен «Керамика древних мест поселений», в которой она выделила семь разновременных типов керамики Самарской Луки. Два первых типа ее классификации были датированы ранним железным веком. I тип включал сосуды с отпечатками рогожи на поверхности и был отнесен к городецкой культуре. II тип, хронологически следующий за первым, объединял круглодонные лепные сосуды с прямой шейкой, орнаментированные рядами подтреугольных вдавлений на шейке – «белогорский тип» (Гольмстен, 1925).

Перед Великой Отечественной войной начались археологические исследования в зоне предполагаемого строительства ГЭС на Волге. В 1936 г. Г.П. Гроздилов осмотрел городище на Лысой Горе у с. Моркваша и Молодецкий курган. (Гроздилов, 1941). Эти работы были прерваны войной и возобновились лишь в 50-е годы. В зоне строительства Куйбышевской ГЭС активно работали несколько отрядов КАЭ. Под руководством Н.В. Трубниковой обследовался ряд городищ: Задельная Гора, Уркина Гора, городище Стеньки Разина. Результаты исследований были опубликованы (Трубникова, 1960. С.120-125).

В первые годы образования и работы САЭ наблюдался активный интерес к городищам раннего железного века. Именно в это время были осуществлены небольшие раскопки ряда памятников, которые до сего времени составляют основную часть фонда археологических источников по раннему железному веку Самарской Луки. Под руководством Г.И. Матвеевой, И.Б. Васильева, В.Н. Зудиной были произведены раскопки на городищах Каменная Коза, Лысая Гора, Торновое, Задельная Гора. Результаты работ были обобщены в нескольких статьях Г.И. Матвеевой. Первым итогом изучения памятников оседлого населения I тыс. до н.э. посвящена статья Г.И. Матвеевой «Поселения раннего железного века на Самарской Луке». Именно в ней впервые была сформулирована концепция истории оседлых племен раннего железного века региона, а также выработан подход к интерпретации полученного материала (Матвеева, 1975. С.93-104). Эта концепция повторялась (с небольшими вариациями) и в ее дальнейших обращениях к этой теме, и до сего дня она является единственной (Матвеева, 1980. С.10-18; Васильев, Матвеева, 1986. С.104-113; Матвеева, 2000. С.82-94). В 80-е годы значительный вклад в разработку городищевой проблематики внесла Н.П. Салугина, которая изучала технологию изготовления городищевой керамики на основе новой методики А.А. Бобринского (Салугина, 2000. С.216-226). В последние три десятилетия в Самарском Поволжье не проводилось целенаправленного исследования памятников белогорского типа и городищевой культуры. Небольшое пополнение источниковой базы происходило в ходе раскопок памятников других эпох: открыто местонахождение городищевой керамики в левобережье Волги (поселение Красносамарское, раскопки П.Ф. Кузнецова); а также выявлена керамика с рогожными отпечатками на поселениях Новый Путь (раскопки А.И. Крамарева), Севрюкаево (раскопки С.Ф. Ермакова), на Муромском городке, Валовских селищах (раскопки А.Ф. Кочкиной) и др. Однако, следует отметить полное отсутствие специальных работ, посвященных проблемам культур оседлого населения раннего железного века. Вместе с тем, с начала 90-х годов наблюдался интерес к разработке этой проблематики в научных центрах сопредельных регионов. Изучались и описывались городища,

исследовались отдельные проблемы, шел сбор материалов к археологической карте, выделен и изучен новый «донской» локальный вариант городищевой культуры (Фоломеев, 1993; Миронов, 1995; Разуваев, 2008; Сарапулкина, 2010 и др.). Полученные данные позволяют пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы в представлениях о раннем железном веке оседлых жителей лесостепного Самарского Поволжья.

В начале необходимо кратко охарактеризовать имеющуюся базу источников. К настоящему времени известен 41 археологический памятник, где зафиксированы находки белогорской и городищевой керамики. Среди них есть городища, селища, местонахождения керамики. На 19 из них найдены фрагменты от круглодонных сосудов белогорского типа и на 30 – фрагменты с отпечатками рогожи и сетки. На 8 памятниках обнаружены обе группы керамики, причем на 4 из них городищевая керамика найдена в единичных экземплярах (городище Белая Гора, селище Подгоры I, дюны Захар-Калма, местонахождение в районе с. Воскресенки на реках Чапаевка и Самара).

Городища. В Самарском Поволжье обнаружено 16 городищ раннего железного века. Четыре городища (Лбище, Междуреченское, Переволоки, Сосновый Солонец) сооружены в более позднее время, а три (Усинский курган, Молодецкий курган, Царев курган) разрушены, поэтому здесь рассматриваться не будут. Имеются достоверные сведения о 9 городищах (Каменная Коза, Торновое 2, Белая Гора, Лысая Гора, Задельная Гора, Манчиха, Коптево, Вислый Камень, Кармалы). Все они, кроме Коптево городища, находятся на Самарской Луке. Памятники расположены на береговых мысах Волги – мысовых стрелках Жигулевских гор (9), на отдельных горах, шишках, так называемых «курганах» (4). Из них 7 памятников находятся на берегу Волги, на утесах, нависающих над водой, (Каменная Коза, Задельная Гора, Молодецкий курган, Коптево городище), на отдельных холмах (Лепешка, Усинский курган, Лысая Гора, Царев курган), внутри Самарской Луки – на мысах Жигулевских гор (Кармалы, Вислый Камень, Торновое 2, Белая Гора, Манчиха). Для сооружения городищ выбирались высокие (до 200-240 м) горы, имевшие узкие, удлиненные площадки в форме вытянутого треугольника (Лысая Гора, Задель-

ная Гора). Мысовые городища располагались примерно на высоте 30-40 м на подтреугольных или имеющих вид вытянутого овала площадках (Вислый Камень, Белая Гора, Кармалы). Особенности размеров городищ позволяют выделить 2 группы: 1) городища, имеющие площадь от 1020 кв.м (Манчиха) до 2000 кв.м (Лысая Гора). К этой группе могут быть отнесены также городища Каменная Коза и Задельная Гора; 2) городища, имеющие площадь от 3000 кв.м (Торновое) до 5000 кв.м (Вислокаменское). К этой же группе относится городище Кармалы (4400 кв.м).

Стандартом являлось одноплощадное городище с поперечным валом и рвом. Усложнение этого простейшего варианта городища шло по следующим направлениям: а) увеличение площадок; б) форма вала; в) форма рва; г) увеличение количества линий валов и рвов и расположение их на площадке городища; д) конструкция валов. На Самарской Луке 8 городищ располагаются на одной площадке и в большинстве случаев имеют по одному валу и рву с напольной стороны. Исключение составляют Задельная Гора, Кармалы, Лысая Гора. Городище Задельная Гора находится на двух площадках, каждую из которых с напольной стороны защищает по два ряда валов и рвов, и видимо, с севера мыс еще был укреплен валами. На Лысой Горе сдвоенные валы и ров делят площадь городища на две площадки, и с напольной стороны имеется еще одна линия укрепления из валов и рвов. Остатки вала на склоне, видимо, защищали среднюю часть городища, заключенную между двумя системами укреплений. Городище Кармалы по всему периметру окружено двумя линиями валов и рвов. Валы в современном состоянии имеют высоту от 1,5 до 3-4 м (из рва) и ширину – от 4 до 10 м. Валы, как правило, в плане кокошничкообразной формы, располагаются поперек площадки с напольной стороны. На некоторых укреплениях прослеживаются проезды (Задельная Гора, Сосновый Солонец, Торновое, Кармалы). В трех случаях укрепления возводились не только с напольной стороны, но и усиливали одну из естественно защищенных сторон городища. На Торновом городище такой вал находится на площадке городища, а система укреплений сооружена так, что располагаясь на мысу подпрямоугольной формы, площадь городища имеет подтреугольную форму. Его укрепления включают в себя вал,

ров и эскарп. На Манчихе вал расположен уже на склоне площадки. Валы сложены из камней, щебенки и земли, взятых здесь же, на территории городища. Культурный слой городищ тонок и чрезвычайно беден, составляет от 10 см (Белая Гора) до 70 см (Каменная Коза), в среднем имея мощность 25-30 см. Он состоит из пылевидных лесных суглинков, насыщенных щебенкой и камнями. Известняковые плиты и суглинки со щебнем являются материком и подстилающим слоем почти на всех городищах.

Территория расположения памятников белогорского типа и городецкой культуры. Картографирование памятников данного периода показало их скопление в определенных зонах и наличие территориальных микрогрупп на Самарской Луке. Выяснилось, что зоны концентрации памятников белогорского типа и городецкой культуры в целом не совпадают. Значительная часть белогорских памятников находится в северной и северо-восточной частях Луки. В этой микрогруппе преобладают городища на высоких горах (часто отдельностоящих) с великолепным обзором волжской акватории. Поселения и городища городецких племен сосредоточены двумя группами на юге Самарской Луки, в юго-западной и юго-восточной ее частях. Группы городецкого населения осваивали балочно-овражные мысы. К памятникам, в культурном слое которых встречены обе группы керамики, относятся: Каменная Коза, Торновое 2, Новинковские дюны и др.

Памятники белогорского варианта ананьинской культуры на Самарской Луке. Вероятно, первым оседлым населением на Самарской Луке в раннем железном веке были немногочисленные коллективы, оставившие т.н. белогорские памятники. Можно выделить две территориальные группы, к которым тяготеют отдельные периферийные поселения.

Первая микрогруппа расположена в северной части Самарской Луки. На отдельных высоких горах берега Волги были сооружены 3 городища: Молодецкий курган, Усинский курган и Задельная Гора, отстоящие друг от друга на 1,5-2 км. В 12 км к юго-востоку от городищ, в окрестностях Муромского городка, на одном из Валовских селищ встречается белогорская керамика. В 11 км к востоку от данных городищ близ с. Моркваша находится городище Лысая Гора. Эти городища

очень хороши как наблюдательные пункты с большим обзором Волги и окрестностей. Почти напротив этих белогорских памятников, на левом берегу р. Волги, расположено местонахождение у с. Федоровка.

Вторая микрогруппа памятников белогорского типа находится в восточной и северо-восточной частях Самарской Луки (район Ширяево – Подгоры). Памятники представлены городищами (Торное, Белая Гора, Манчиха), отстоящими друг от друга на 3,0-3,5 км и в радиусе 12 км от Белой Горы – селище близ Ширяева у Поповой Горы. У подножия Торновского городища и Белой Горы также обнаружены селища. Группа включает в себя полностью заросшие лесом городища, расположенные на мысах Жигулевских гор в укромных уголках полуострова. Там же в предгорьях расположены и селища. К этой группе примыкают городище Вислый Камень и селище у с. Новинки. Напротив этой группы памятников, на левом берегу Волги, находится Царев курган и Коптево городище. На обозначенной территории известны лишь отдельные пункты с находками городецкой керамики. В южной части Луки белогорская керамика присутствует на городище Каменная Коза. На западе Самарской Луки памятники белогорского типа полностью отсутствуют.

Самой массовой категорией находок на памятниках белогорского типа является керамика. Характеристика керамического комплекса основана на изучении материалов Задельной Горы, Лысой Горы, Каменной Козы и некоторых разведочных сборов (всего 2146 фрагментов, из них 364 венчика). Целые формы отсутствуют. Судя по фрагментам венчиков, большинство сосудов имело высокую прямую шейку (20-35 мм), резкий переход от основания шейки к тулову и округлое днище. Диаметр тулова превышает диаметр шейки. Одним из самых ярких признаков данной группы керамики является обилие дробленой раковины в тесте. Встречается примесь шамота и органики. Для данного комплекса посуды характерна штрихованная внутренняя и внешняя поверхности. Орнамент наносился концом треугольной или округлой в сечении палочки на шейку сосуда и в некоторых случаях заходил на плечики. Кроме обломков посуды, в слое на городище Задельная Гора найдены бронзовый наконечник стрелы и предметы из глины:

12 пряслиц, глиняная воронка, обломок ручки, предмет непонятного назначения, обломки круглых плоских предметов.

Важным является вопрос о месте белогорской группы памятников в системе древностей ананьинской культурно-исторической общности. Об этом высказывался ряд исследователей, начиная с В.В. Гольмстен и А.М. Тальгрена, который на основании находок отдельных вещей доводил область расселения ананьинских племен до Самарской Луки (Гольмстен, 1925). А.В. Збруева также относила белогорскую керамику к ананьинской, отмечая кроме этого и находки отдельных ананьинских вещей: ананьинских кельтов и наконечников копий в южных районах Татарии и в Куйбышевской области, хотя считала, что пока нет достаточных оснований доводить границу распространения ананьинской культуры до Самарской Луки (Збруева, 1952. С.187-188). Г.И. Матвеева пришла к выводу, что «скорее всего, памятники белогорского типа представляют собой южный вариант обширной ананьинской культурной общности» (Матвеева, 1980. С.15). В одной из последних своих работ по этой тематике, она сформулировала определение этой группы памятников как «белогорский вариант ананьинской культуры», сохранив, таким образом, привычное и существующее со времен В.В. Гольмстен название и вставив эту группу в систему ананьинских древностей Волго-Уральского региона. В этой же статье она привела ряд аналогий белогорской керамике с территориями Южного Татарстана и Ульяновского Поволжья, пытаясь заполнить таким образом территориальную лауну между южными ананьинскими памятниками и компактной белогорской группой (Матвеева, 2000. С.84-86).

Еще в середине 1970-х гг. XX в. Г.Р. Ишмуратова выделила следующие признаки, характерные для посуды всех локальных вариантов ананьинской общности: а) преобладание сосудов, изготовленных из глины с примесью толченой раковины или растительной примесью; б) круглодонность и чашевидность форм сосудов; в) орнаментация лишь верхней половины сосуда; г) наличие среди керамики поселений посуды со шнуровым орнаментом; д) расположение орнамента горизонтальными зонами (Ишмуратова, 1975. С.62). По сути дела, белогорская керамика соединяет в себе все перечисленные признаки,

кроме одного, но очень яркого – на ней полностью отсутствует шнуrowая орнаментация. Тем не менее, существуют ананьинские памятники, где процент посуды, орнаментированной шнуrowыми отпечатками, очень невелик или вовсе отсутствует. Например, на самых южных памятниках ананьинской КИО, локального варианта Волга II, такая посуда составляет: на Антоновском городище – 15,7%, на Нижнеуслонском поселении – 9,5%, на пос. Казанка – 7,1%, на II Маклашеевском городище – 9,5%, на городище Курган – 13,4% (Ишмуратова, 1975. С.57). В то же время в орнаменте посуды этих районов часто встречаются ряды круглых, клиновидных вдавлений. Таким образом, белогорская группа памятников территориально примыкает к ареалу ананьинской КИО, расширяя ее границы до Самарской Луки. Комплекс белогорской керамики по всем своим морфологическим и технологическим признакам соответствует аналогичным параметрам ананьинской посуды. Что касается этнической атрибуции ананьинской культурно-исторической общности, то к настоящему времени специалисты комплексно обосновали принадлежность ее носителей к финно-угорским народам. Г.И. Матвеева считала, что белогорское население было вытеснено городецкими племенами на рубеже VI-V вв. до н.э., и скорее всего, ушло на северо-восток в Прикамье, где позднее приняло участие в формировании пьяноборской культуры (Матвеева, 2000. С.86)

Городецкие памятники на Самарской Луке. В Самарском Поволжье известно 30 памятников с находками городецкой керамики: городища, селища и местонахождения керамики. Подавляющее большинство поселений расположено в южной части Самарской Луки, очень компактно, на протяжении, примерно, 50 км вдоль Волги и в некотором удалении от нее. К памятникам городецкой культуры относятся 8 городищ: Переволокское, Каменная Коза, Лбище, Торновое 1, Междуреченское, Кармалы, Коптево, Белая Гора (на двух последних найдены лишь отдельные фрагменты рогожной керамики); 17 селищ: Малая Рязань, Брусяны, Новый Путь, Муромское, Винновка IV, Винновка – Овраг Ближний Крутенький, Лбище, Ош-Пандо-Нерь 2, Шелехметское 2, Севрюкаевское 2, ряд слоев в районе сел Новинки, Валы, Подгоры, Красносамарское, Кирпичные Сарай; 5 местонахождений:

Ермаково-Севрюкаево, Осинки, Воскресенка на реках Чапаевка и Самара, дюна Захар Калма, Федоровка.

Южная часть Самарской Луки наиболее удобна для жизни человека. Здесь нет высоких гор, неприступных мысов. Картографирование городецких памятников дает представление, как по относительно удобной для передвижения береговой линии Волги проходило заселение Самарской Луки носителями городецкой культуры. Они могли войти на полуостров с ЗЮЗ по узкому Волго-Усинскому водоразделу и продвигались по прибрежной полосе по линии Переволоки – Малая Рязань – Брусяны. Расстояние между отдельными пунктами находок городецкой керамики составляет примерно 4-9 км. На этих поселениях имеются небольшие коллекции рогожной керамики. От Брусян до селища Новый Путь – 9 км. Данное поселение, городище и селище Лбище, городища Кармалы и Каменная Коза можно выделить как условные центры первой микрогруппы в юго-западной части Самарской Луки. Здесь платообразная возвышенность Жигулей понижается и выходит к Волге и ее долине крутым, местами скалистым, расчлененным ложбинами, угором. Здесь же находятся устья наиболее крупных балочных долин: Винновской, Аскульской и других. И именно места, где крупные овраги с отвершками, выходили к берегам, образуя на плато мысы, и явились наиболее привлекательными для городецкого населения. На площади примерно 40 кв.км выявлено 10 археологических памятников городецкой культуры. На мысу в устье оврага находится селище Новый Путь (на берегу Воложки). К северу, вверх по этому оврагу, в 3 км от него – Севрюкаевское селище, а еще выше, примерно в 6 км (от Нового Пути) – городище Кармалы, расположенное в верховьях оврага на одном из отвершек. От Нового Пути по прямой в 5 км к востоку по берегу Волги, в районе с. Лбище расположены селище и городище. Комплекс Лбище находится на береговых мысах Саратовского водохранилища близ начала оврага, у истоков которого в 6 км находится Кармалинское городище. К востоку от памятника Лбище по берегу до городища Каменная Коза около 8 км. Каменная Коза находится на мысу береговой террасы и небольшого оврага, истоки которого выходят в район с. Осинки, где есть местонахождение городецкой

керамики. В радиусе 3-4 км от Каменной Козы находится комплекс селищ и местонахождений (Ермаково-Севрюкаево, Осиновка, Винновские селища и др.). Чуть отойдя от реки, вдоль оврагов также можно найти рогожную керамику. Встречаются и находки белогорской керамики. Здесь наблюдается интересная закономерность: селища и городища располагаются на мысах, образованных берегом реки и устьем оврага. А где-то в истоке этого оврага располагается еще одно городище. По-видимому, при необходимости люди спускались в глубокие глухие овраги и по дну его уходили на дальнее городище.

Вторая микрогруппа памятников городищ культуры включает в себя комплекс памятников, находящихся в глубине от Волги, у подножия Жигулевских гор, в округе сел Шелехметь, Новинки, Торновое. Территория этой микрогруппы занимает площадь около 36-40 кв.км. В районе с. Шелехметь находятся селища Ош-Пандо-Нерь 2 и Шелехметское селище (в 9 км от Каменной Козы). В 4-5 км к ВЮВ от шелехметских памятников, в районе с. Новинки, выявлено 7 пунктов (селищ и несколько местонахождений) городищ культуры. От Новинки до городища Торновое всего 8 км. К этой группе примыкают городища Белая Гора и селище Подгоры I. Между городищами Торновое и Белая Гора около 11 км.

Таким образом, городищские памятники концентрируются двумя группами в районе южной части Самарской Луки. Жители предпочитали для своих поселений высокие мысовые площадки, образованные отрогами оврагов и береговыми террасами или Жигулевскими горами. На участке, где выделены памятники микрогруппы, возвышенное плато выходит к Волге, на берегу которой мы и наблюдаем местонахождение городищских памятников. Восточнее с. Винновки, основное русло Волги отклоняется на юго-восток, а массив Жигулевских гор – на северо-восток. Вторая микрогруппа, несмотря на то, что приоритеты при выборе места остались прежними, оказывается во внутренних районах Самарской Луки. Кроме этих двух микрогрупп, известны еще отдельные памятники в центральной и восточной частях Луки. Выявлен ряд местонахождений рогожной керамики на левом берегу Волги. Как правило, они располагаются или на берегу Волги (Коптево городище), или недалеко от нее (Кирпичные Сарай, Федоровка, Воскре-

сенка на р. Чапаевке). Единичные находки рогожной керамики обнаружены по берегам р. Самары: дюны Захар Калма, Красносамарское.

Таким образом, можно отметить, что зоны концентрации памятников белогорского типа (северная и северо-западная части Луки) и городищской культур (юго-западная и юго-восточная части Луки) в целом не совпадают, хотя есть памятники, в культурном слое которых встречены обе группы керамики (Каменная Коза, Торновое гор, Новинковские дюны и др.).

Расположение гнездами (микрогруппами) является типичным для памятников городищской культуры. В.Г.Миронов отмечал, что городища в Хвалынском районе находятся только на восточной стороне Хвалынского горного массива, где много как отрогов и хребтов, так и плато, густо покрытых лесом. Памятники занимают самые высокие горные вершины, до 300 м над уровнем моря, и на высоте 40-60 м от дна ущелья. Он выделил 3 группы памятников в Хвалынском районе (Миронов, 1970. С.68-69). Топография этих памятников очень близка топографии поселений на Самарской Луке. А.Л.Монгайт для средне-окского варианта отмечал групповое расположение городищ по рязанскому течению Оки. Как правило, два-три городища находятся на расстоянии 1-3 км друг от друга с интервалами 10-15 км (Монгайт, 1961. С.32). Городищские городища лесостепного Подонья также занимают мысовые участки берегов и балок. Для всех городищ характерна одна линия укреплений (Разуваев, 2008. С.71) Наличие такого же расположения памятников центрального варианта городищской культуры отмечал П.Д.Степанов: «группа городищ и селищ располагается весьма компактной массой вдоль речек, впадающих в Суру» (Степанов, 1948. С.38).

Анализ материалов показал, что на данном уровне состояния источниковой базы, мы не имеем ни одного однослойного памятника городищской культуры в нашем регионе. Городищская керамика найдена на городищах Каменная Коза, Торновое, Лбище, Междуреченское, Переволоки, причем, на последних трех зафиксированы укрепления уже раннесредневекового облика. На Каменной Козе и Торновом есть керамика эпохи бронзы, белогорская и именьковская. Без дополнительных исследований у нас нет доказательств того, что оборонительные сооружения были

созданы именно городецким населением. На Самарской Луке раскопки следующих поселений дали собрания рогожной керамики: Каменная Коза, Лбище, Малая Рязань, Новый Путь, Кармалы, Торное, Междуреченское, Переволоки, сел. Валы и некоторые другие. Проанализировав материал, можно прийти к заключению, что ни на одном из них не удалось четко выделить городецкий слой в функционировании памятника. Ни на одном из них строительство укреплений нельзя с уверенностью связывать именно с городецким населением. На городище Лбище автор раскопок Г.И. Матвеева допускала сосуществование городецкого населения с пришлым и последующую быструю ассимиляцию носителей рогожной керамики (Васильев, Матвеева, 1986. С.142, 144)

Единственным источником по городецкой культуре на нашей территории является керамика. В самом общем виде она неоднократно описывалась Г.И. Матвеевой. Приведем лишь некоторые важные, на наш взгляд, статистические подсчеты. В коллекциях городищ Лбище, Каменная Коза, Торное, Малая Рязань, Ош-Пандо-Нерь II учтено 532 фрагмента городецкой керамики: 91 (17%) – с отпечатками сетки; 441 (83%) – с рогожным орнаментом. Среди них 51 венчик, 7 днищ, остальные – обломки от стенок. Сосуды имели форму банок или слабопрофилированных горшков с прямыми или чуть раздутыми стенками. Днища плоские, без закраин. Толщина стенок составляла 5-7 мм. Срезы венчиков уплощены, вследствие чего по краям образовались характерные наплывы (Т-образные – 18; Г-образные – 18).

В последние годы Т.В. Сарапулкиной были проанализированы керамические комплексы городецкой культуры лесостепного Подонья. Ей удалось проследить корреляцию между формами венчика (и соответственно формой горшков) и способом обработки поверхности (рогожные, сетчатые отпечатки, гладкостенные сосуды). При сопоставлении керамики донского локального варианта с керамикой других ареалов городецкой культуры (Рязанского Поочья и Саратовского Поволжья) и скифоидной керамикой исследователем были выделены признаки ранних форм посуды: достаточное количество сосудов с сетчатым орнаментом, наличие Т-образных и Г-образных венчиков, уплощение

венчиков, орнаментация венчиков сеткой и рогожкой, вдавления по срезу венчика, наличие напыла и проколов под венчиком. Т.В. Сарапулкиной было выяснено, что менее профилированные формы предшествовали более профилированным (Сарапулкина, 2008. С.230-231). Эти наблюдения имеют определенное значение при анализе керамики восточного локального варианта. Рассматривая ее на более широком фоне, можно заметить, что в комплексах городецкой посуды Самарской Луки отсутствует тычковая керамика и неорнаментированная скифоидная посуда. Керамика представлена сериями венчиков от баночных сосудов и слабопрофилированных горшков с Т-и Г-образными уплощенными срезами венчика. Фиксируется устойчивое присутствие фрагментов с отпечатками сетки (в основном бороздчатой). Эти признаки могут свидетельствовать об относительно раннем появлении городецкой керамики в нашем регионе.

Технология изготовления городецкой рогожной и отчасти текстильной керамики была исследована Н.П. Салугиной. Она провела микроскопический анализ выборки городецкой керамики памятников всех локальных вариантов, кроме донского варианта. Исследователем было установлено, что в городецком гончарстве использовались ожелезненные (в основном, высокопластичные) глины, причем с большим содержанием железистых включений. Часть посуды была сделана лоскутным налепом комков глины с использованием форм-моделей (формоснов). Способ получения «сетчатых» и «рогожных» поверхностей был тесно связан с приемами формообразования, а именно выбиванием поверхностей сосудов. Для получения «сетчатых» отпечатков применялось выбивание сосуда ячеистой колотушкой, а для получения рогожной поверхности использовалось прокатывание штампом. Н.П. Салугина пришла к важному выводу, что по результатам технико-технологического анализа выделяются 2 группы населения городецкой культуры, в которых были распространены разные массовые рецепты формовочных масс, а значит, преобладали разные культурные традиции. К первой относятся памятники средне-окского, северо-восточного (бассейны правобережья Суры, Цивилия, Свяги) и восточного (Самарская Лука) вариантов. В гончарстве этой группы населения преобладала традиция

составления масс с шамотом. Во вторую группу входят памятники средне-окского, центрального и южного (саратовского) локальных вариантов. В гончарстве населения, оставившего эту группу памятников, преобладала традиция составления формовочных масс с дресвой (Салугина, 1991).

Очень важно, что именно эти 2 группы формируются вокруг разных речных артерий (осей), текущих с С на Ю через лесостепные пространства в степь. Первая группа расположена в междуречье Суры и Волги, затем по Суре и Свияге (северо-восточный вариант) памятники городецкой культуры выходят к Волге тремя языками – к Самарской Луке, Хвалынску и району Саратова (восточный и южный варианты). Вторая группа фиксируется на Оке, Цне и далее по рекам (средне-окский, центральный, донской локальные варианты) (локальные варианты даны по А.П. Смирнову и Н.В. Трубниковой) (Смирнов, Трубникова, 1965). Можно предположить, что эти направления и были основными путями продвижения городецких племен.

Имея в распоряжении, практически, только один полноценный источник, весьма своеобразную керамику с отпечатками рогожи и сетки, естественно желание объяснить это своеобразие и разобраться в его происхождении. На этом пути важны малейшие зацепки. Технико-технологический анализ керамики выявил тот факт, что городецкие гончары на всей территории своего существования использовали только один вид исходного сырья: ожелезненные глины со значительной концентрацией специфических железистых включений. Очень заманчиво связать поиски таких глин с процессом разработки железорудных месторождений. В.Г. Миронов сделал предположение, что подавляющее большинство городецких памятников располагается в непосредственной близости или же прямо у выходов на поверхность железорудных месторождений. Они представлены оолитовыми болотными рудами, собственно бурыми железняками, сидеритами, сферодолитами. Железистые конкреции встречались в обнажениях оврагов, берегов рек, прорезавших рудные тела, а также на дне озер (наиболее значительные выходы руд в окрестностях Хвалынска, Липецка, Рязани, Мурома, на Цне и т.д.) (Миронов, 1995. С.70-71). Этнографически прослеженная сакрализация, присутствовавшая вокруг металлургического

производства в целом, в данном случае, не исключено, переходит на изготовление посуды. Возможно, именно этот процесс и стал со временем «стержнем самоидентификации» населения городецкой культуры: «особая керамика из особых глин». Тем более, что керамика выступает почти единственным этнокультурным индикатором городецкой культуры.

Схема развития и смены керамических традиций в наиболее разработанном на сегодняшний день донском варианте выглядит следующим образом:

I период (рубеж VIII – VII вв. до н.э.) – в Подонье с северных лесных территорий пришло население, находящееся на стадии ассимиляции носителей гладкостенной тычковой посуды племенами текстильной керамики. В данном периоде была распространена сетчатая и гладкая тычковая керамика баночных и слабопрофилированных форм.

II период (городецкий этап: рубеж VII-VI вв. – конец VI в. до н.э.). По-видимому, происходила новая волна миграции городецких племен с северных территорий. Керамика представлена чистыми городецкими комплексами без скифоидной посуды. Наблюдалось абсолютное преобладание рогожной и сетчатой керамики и слабопрофилированных форм сосудов с Т- и Г-образными венчиками.

III период (V – рубеж IV-III вв. до н.э.) – развитой этап. К нему принадлежит большинство известных на р. Дон поселений. Керамический комплекс характеризуется профилированными формами горшков с преобладанием рогожной и сетчатой орнаментации.

IV период (рубеж IV-III вв. до н.э. – рубеж н.э.) – происходило ослабление давления скифоидных племен, увеличение посуды гладкостенной, уменьшение сетчатой посуды. Окончание жизни городецкого населения в Подонье вызвано, вероятно, появлением новых волн скифоидного населения и сарматских племен (Сарапулкина, 2010. С.21-23).

Учитывая данную схему, основанную на изменении керамических традиций, городецкий керамический материал Самарской Луки, условно, можно отнести ко II периоду.

Многие процессы, происходившие в первобытных обществах, можно объяснить вмещающими ландшафтами и климатическими

условиями. Особенно это заметно в периоды изменения климата. Ко времени становления раннего железного века в связи с дальнейшим похолоданием и увлажнением климата произошло значительное смещение границы леса к югу и увеличение облесенности, а также подъем уровня воды в реках. Эти причины, возможно, лежат в основе миграции племен городецкой культуры, носителями которой были охотники и рыболовы, известные Геродоту как «тиссагеты» (Медведев, 1993. С.47). С.К.Рассадин и А.А.Хреков соотносят население городецкой культуры с тиссагетами и йирками. По их мнению, оба эти народа можно отождествлять с отдельными вариантами городецкой культуры (Рассадин, 1992. С.165). Тиссагеты были охотниками: народ многолюдный, «народ особый». Йирки являлись лесными охотниками (Рыбаков, 1979. С.186). Думается, если принять это положение, можно объяснить много непонятных мест в городецкой культуре: достаточно частые миграции, кратковременность поселений и их скудность, небольшой ассортимент инвентаря и «особость» в смысле чужого для местного окружения языка и рода занятий и т.п. По данным археологии можно восстановить предмет охоты. Охотились, главным образом, на крупных животных: лося, медведя, благородного кабана, которые в изобилии водились в лесах. Костей мелких животных почти нет. Одновременно велась охота на пушных зверей: бобра, куницу, горноста, рысь и др. Несомненно, большая роль отводилась и рыболовству. В последнее время появилось мнение, что городецким племенам присущи только первоначальные формы скотоводства и земледелия, следовательно, эти племена по типу хозяйства стояли на значительно более низкой ступени развития, нежели их степные ираноязычные соседи (Сарапулкина, 2010. С.20). Тем не менее, в это время уже были известны все основные виды домашних животных. На памятниках Среднего Поволжья характерно преобладание лошадей и крупного рогатого скота: лошадь 37,9%, крупный рогатый скот 31,1%, свинья 19,5%, мелкий рогатый скот 11,5%. Крупный рогатый скот распределяется следующим образом: корова – 76,2%, быки – 18,2%, волы – 5,6%. Ведущую роль в животноводстве играла лошадь (Цалкин, 1966. С.45-92). По данным В.М.Буланкина, В.П.Челяпова, городецкие племена на Средней Оке свя-

заны с подзоной широколиственных лесов, что можно объяснить широким хозяйственным использованием биомассы этой подзоны (Буланкин, Челябин, 1992. С.163-164).

Местных корней на территории Среднего Поволжья городецкая культура не имеет. П.Д.Степанов считал, что приблизительно в VI-V вв. до н.э. население городецкой культуры продвинулось с р.Оки на Хвалынскую возвышенность, а затем была заселена и Самарская Лука (Степанов, 1960). В одной из последних работ он высказал мысль, что после скифо-персидской войны 512 г. до н.э. племена городецкой культуры расселились вдоль Волги от Ахмита до Самарской Луки (Степанов, 1973. С.83). Г.И.Матвеева поддерживала точку зрения тех исследователей, которые связывали происхождение городецкой культуры с территорией среднего течения Оки, на основе местных культур эпохи бронзы, приблизительно около VII в. до н.э. Есть основание предполагать, что на Самарской Луке городецкие племена появились в конце IV – начале III в. до н.э., вытеснив или ассимилировав белогорские племена (Матвеева, 1980. С.17)..

В заключение хотелось бы отметить, что в задачи данной статьи не входило подведение итогов исследований раннего железного века на Самарской Луке. Можно сказать, что они носили эпизодический характер в 1920-х годах, а затем в 1970-х. Концепция, созданная на более чем скромной базе имеющихся источников, не раз публиковалась, и на сегодняшний день на нее продолжают ссылаться и искать в ней ответы на все вопросы истории белогорских и городецких племен. Но время идет вперед. Одной из задач данной статьи была попытка собрать результаты исследования различных авторов по городецкой культуре и на основе полученных данных, хотя бы отчасти, реанимировать тот небольшой материал с территории Самарской Луки, к которому никто не обращался уже 30 лет. Можно предположить, что при комплексном подходе и использовании современных естественнонаучных методов, даже на основе скудной источниковой базы, возможны новые гипотезы и новые результаты. В целом же нужно подчеркнуть необходимость возобновления раскопок памятников городецкой культуры и дальнейшую разработку проблем истории оседлого населения Самарского Поволжья в раннем железном веке.

Источники и литература

- Археологические памятники раннего железного века окско-донского междуречья. Рязань, 1993.
- Буланкин В.М., Челябинов В.П. Городища городецкой культуры на Юге и Юго-Востоке Рязанской области // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.
- Гольмстен В.В. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень ОАИЭиЕ. №3. Самара, 1925.
- Гольмстен В.В. Археологические памятники Самарской Губернии // Труды секции РАНИОН. Т.4. М., 1928.
- Гроздилов Г.П. Жигулевский массив // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 30. 1952.
- Зудина В.Н. Археологические изыскания // Классика Самарского краеведения. Вып.5. Самара, 2008.
- Ишмуратова Г.Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. №1.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Матвеева Г.И. Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев. Краеведческие записки. Вып. III. Куйбышев, 1975.
- Матвеева Г.И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев, 1980.
- Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. 2000.
- Медведев А.П. О направлениях миграций древнего населения в Подонье в раннем железном веке (в связи с изменением климатических условий) // Проблема взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннего железного века. Тула, 1993.
- Миронов В.Г. Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Труды. Вып.29. Саранск, 1970.
- Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.
- Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Разуваев Ю.Д. Фортификационные сооружения городецких поселений лесостепного Подонья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып.2. Т. II. Пенза, 2008.
- Рассадин С.Е. Геродотовы йирки и тиссагеты. К проблеме локализации // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.
- Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
- Салугина Н.П. Технология керамики городецкой культуры. Препринт. Самара-Свердловск. Куйбышев, 1991.
- Салугина Н.П. Результаты технологического анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Сарапулкина Т.В. Керамический комплекс городецкой культуры на Дону // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып.2. Т. II.
- Сарапулкина Т.В. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М., 1965.
- Степанов П.Д. Памятники I тыс. н.э. в восточной части Мордовской АССР // КСИИМК. 1948. №18.
- Степанов П.Д. Хвалынские городища // ТСОМК. Саратов, 1960. Вып.3.
- Степанов П.Д. Условия возникновения древне-мордовского археологического комплекса или древне-мордовской культуры // Вопросы истории и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1973.
- Трубникова Н.В. Поселения I и нач. II тыс. н.э. на Самарской Луке // МИА. 1960. №80.
- Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII-VI вв. до н.э. М., 1977.
- Хреков А.А. «Скифский логос» Геродота и население лесостепного Прихоперья в раннем железном веке // shapkino.ru/index.php?option=com
- Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.